

Дуань Минчэнь удивлённо ахнул. Его двоюродный брат, хоть и был одарённым от природы, всегда отличался непоседливостью и любовью к играм. И вот теперь сам изъявил желание вернуться и позаниматься — случай поистине удивительный. Неожиданно, что правила Академии Цзиньцзян для Павильона Тяньи могут так побуждать учеников к усердию.

— Ступай, ступай, — улыбнулся Дуань Минчэнь. — Только не засиживайся допоздна, береги здоровье.

Фан Цзя что-то буркнул в ответ и уже через мгновение умчался прочь, словно вихрь.

Старый учитель Кун проводил Фан Цзя взглядом, затем повернулся и вернулся в небольшую деревянную хижину рядом с Павильоном Тяньи.

Павильон получил своё название от изречения «Небо рождает воду», ибо книги страшатся огня более всего. Поэтому его и возвели на острове посреди озера — на случай пожара воду можно было бы достать прямо тут же.

В Павильоне Тяньи хранились редкие и ценные фолианты. Дабы уберечь их от дурных взглядов, Старый учитель Кун обычно и проживал на острове, присматривая за библиотекой.

Из хижины вышел молодой учёный — тот самый ученик Кун Ханьсун, встреченный днём.

— Отец, кто это был? — с досадой спросил он. — Так поздно шуметь у Павильона.

— Новый ученик, не знает правил, — ответил Старый учитель Кун. — Пришлось его немного поучить.

Отец с сыном, продолжая беседовать, закрыли дверь. Так и выяснилось, что Кун Ханьсун — младший сын Старого учителя Куна. Оба они теснились в этой небольшой хижине, что говорило о скромном достатке семьи. Впрочем, для учёных бедность не была пороком, и они находили радость в постижении Пути.

Тишина вновь воцарилась вокруг, оставив Дуань Минчэня и Гу Хуайцина наедине. Поскольку в Павильон Тяньи им попасть не удалось, они по деревянному настилу отправились обратно, держа путь на другой остров — в Сад Снежного Аромата.

Если говорить о самых живописных местах на острове, то Сад Снежного Аромата, несомненно, был первым среди них.

Площадь сада была невелика, но убранство его походило на изысканнейшие сады Цзяннани. Тут росло более сотни сливовых деревьев: красные, белые, розовые, зелёные, даже чёрные — более десяти видов. Зимой, когда сад укрывало снежное покрывало, сливы, презрев стужу, распускались пышным цветом, наполняя воздух холодным, дурманящим ароматом. За это он и получил своё имя — Сад Снежного Аромата.

Стояла поздняя весна, сливы уже отцвели, но сад по-прежнему радовал глаз. Причудливые камни-скульптуры, цветущие кущи, зелёные ивы, склонившиеся к воде... А на возвышенности у самого озера был выстроен Павильон в сердце вод — лучшее место для созерцания озёрных просторов.

Прогулка под луной в компании прекрасного спутника — что может быть отраднее для души?

Дуань Минчэнь, довольный, взял Гу Хуайцина за руку, размышляя про себя, как же

расшевелить этого умного, но в некоторых вопросах удивительно непонятливого красавца.

Он не раз думал прибегнуть к решительным мерам, однако Гу Хуайцин не был женщиной, нрав имел упрямый и гордый, и силой вряд ли можно было добиться от него желаемого. Скорее наоборот — лишь вызвать отторжение. К тому же, Гу Хуайцин и сам владел боевыми искусствами весьма неплохо, и Дуань Минчэнь не был уверен, что сумеет его одолеть.

Гу Хуайцин же, не ведая о мыслях спутника, с восхищением озирает окрестности. Редкая возможность выбраться из дворца — надо же вдоволь насладиться!

Такие мгновения, такие красоты и впрямь созданы для любовных признаний. И, как выяснилось, оценили их не только они двое. Вот там, в густой тени цветущих кустов, под серебром луны виднеются две фигуры, тесно прильнувшие друг к другу.

Гу Хуайцин, обладавший острым зрением, тут же узнал в них наследника князя Ань, Сяо Цзюэ, и прекрасного юношу Ван Цзыюя, встреченных днём.

Ван Цзыюй был крепко обнят Сяо Цзюэ, его прекрасное лицо пылало румянцем, а большие, словно абрикосовые косточки, глаза, казалось, вот-вот прольются влагой.

Наследник князя Ань Сяо Цзюэ же являл собой образец изящного любовника. Его персиковые глаза^[^1] светились негой, ладонь скользила по пояснице и бёдрам Ван Цзыюя, а сам он что-то негромко нащёптывал, отчего Ван Цзыюй заливался сдержанным, довольным смешком.

Ван Цзыюй переменял позу, усевшись лицом к Сяо Цзюэ на колени, обвил его шею руками и сам подставил свои губы для поцелуя. И они принялись целоваться — жадно, с влажными звуками.

Гу Хуайцин остолбенел. Пусть он и бывал с Дуань Минчэнем в южных чайных, но там они лишь пили вино и слушали музыку. Воочию столь страстных ласк он ещё не видывал.

Так вот что имел в виду Фан Цзя, говоря о «ветре и луне ханьлинь»^[^2]? Мужчины и вправду могут быть так близки?

Отвращения Гу Хуайцин не почувствовал — лишь лёгкое смущение и жгучее любопытство, будто перед ним приоткрыли дверь в неведомый доселе мир.

Дуань Минчэнь тоже увидел эту сцену. Сперва удивился, затем невольно взглянул на Гу Хуайцина, пытаясь уловить его реакцию. Тот не выказывал ни малейшего отвращения, напротив — смотрел широко раскрытыми глазами, не в силах оторваться. И это показалось Дуань Минчэню забавным.

Он понимал, что благородному мужу подобает тут же удалиться — не смотреть на то, что не должно быть увидено, не слушать того, что не должно быть услышано. Однако тут же мелькнула мысль: а пусть посмотрит. Может, это и впрямь его просветит, и тогда многих хлопот удастся избежать.

Так что оба продолжили наблюдать, каждый со своими мыслями. Сяо Цзюэ и Ван Цзыюй целовались ещё некоторое время. Ван Цзыюй, казалось, полностью отдался чувствам, тогда как Сяо Цзюэ сохранял самообладание. В его глазах читалось желание, но он не тонул в нём с головой — верный признак искущённого любовника.

Ван Цзыюй запустил руку к поясу Сяо Цзюэ, пытаясь его развязать, но тот остановил его.

— Что такое? Не хочешь? — Ван Цзыюй уставился на него сияющими, влажными глазами.

Сяо Цзюэ усмехнулся и шлёпнул его по упругой заднице.

— Ещё как хочу. Но сегодня вечером я условился с Янь Цзюнем. Он раздобыл новые ноты и пригласил меня вместе их изучить. Раз уж я дал слово, негоже нарушать.

Лицо Ван Цзыюя перекопилось. Он резко поднялся с колен Сяо Цзюэ.

— Так-так! Значит, у тебя новый фаворит!

— Ревнуешь? — Сяо Цзюэ небрежно приподнял бровь. — Янь Цзюнь — мой друг с детства, наши семьи связаны долгой дружбой. Чувства между нами глубоки, но не думай попусту — между нами не то, о чём ты подумал.

— Правда? — Ван Цзыюй с недоверием смотрел на него.

Сяо Цзюэ лишь промылчал что-то в ответ, не утруждая себя дальнейшими объяснениями, и поднялся, оправляя складки на одежде.

На лице Ван Цзыюя отразились обида и нерешительность. Расставаться с возлюбленным ему явно не хотелось.

Сяо Цзюэ взял его руку и нежно сжал.

— Не накручивай себя. Ты же знаешь, в моём сердце только ты, понял? Ступай отдыхать, ночь прохладна, оденься потеплее, не простудись. А то я буду переживать.

Слова были подобраны самые что ни на есть тёплые, а в сочетании с его проникновенным, нежным взглядом из персиковых глаз и вовсе свели Ван Цзыюя с ума. Тот быстро оттаял, с неохотой попрощался и послушно пошёл к своим покоям.

Дуань Минчэнь не мог не восхититься искусностью Сяо Цзюэ. Всего парой фраз он успокоил и усмирил любовника. Иметь такие таланты в столь юном возрасте — что же будет дальше?

Гу Хуайцин, опомнившись, почувствовал приступ стыда за то, что подглядывал за чужими тайнами, и какую-то смутную, странную тревогу в глубине души. Он украдкой взглянул на Дуань Минчэня, но тот сохранял полное спокойствие, будто ничего особенного не произошло.

Гу Хуайцин, по натуре своей не склонный к рефлексии, тут же успокоился. В конце концов, это они сами выбрали столь публичное место для своих утех — нечего пенять, если их увидят.

— Луна нынче прекрасна, — сказал Дуань Минчэнь. — Пройдёмся до Павильона в сердце вод, посидим там.

— Давай! — Гу Хуайцин, радый сменить тему, шагнул вперёд. Дуань Минчэнь неспешно последовал за ним.

Тихая ночь. Серебристая луна. Недвижная гладь озера. И вдруг — струящаяся, певучая мелодия циня[³], будто кто-то наигрывал её, обращаясь к луне.

Влажный воздух был напоён тонким ароматом цветов. Дуань Минчэнь, проходя мимо, заметил у дороги пышно цветущий куст камелии, сорвал один цветок и спрятал за спиной.

Они поднялись по каменным ступеням к Павильону в сердце вод. Отсюда и впрямь открывался чудесный вид: бирюзовая гладь Пруда Тысячи Лотосов лежала как на ладони, а над головой висел лунный диск, огромный и такой близкий, будто до него можно было дотянуться.

Но Гу Хуайцину и этого было мало. Он легко взмыл вверх и грациозно опустился на самую крышу павильона. Дуань Минчэнь усмехнулся и последовал за ним.

Гу Хуайцин лёг на наклонную кровлю лицом к озеру, закинул руки за голову, положил ногу на ногу и устроился с видом полнейшего удовлетворения.

Он лежал на боку, глядя на лунную дорожку в водах Пруда Тысячи Лотосов, но мысли его возвращались к сцене, свидетелем которой он только что стал. Отчего-то всё тело внезапно вспыхнуло жаром, и даже прохладный ночной ветерок не мог вернуть ему душевного спокойствия.

<http://bllate.org/book/16283/1467050>